

ПЕДАГОГИКА

УДК 37(09)(47+57)

Обучение как обращение в античной и христианской традициях

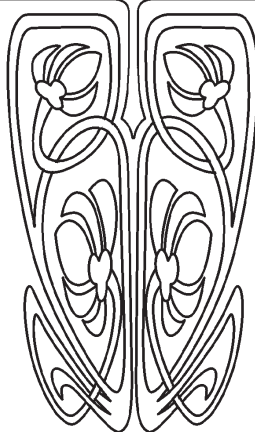
В. Г. Безрогов, В. К. Пичугина

Безрогов Виталий Григорьевич, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник, Центр истории педагогики и образования, Институт стратегии развития образования Российской академии образования, Москва, v_bezrog@rambler.ru,

Пичугина Виктория Константиновна, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник, профессор РАО, Центр педагогики и образования, Институт стратегии развития образования Российской академии образования, Москва, pichugina_v@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В настоящей статье рассмотрен вариант обучения как обращения в новую систему взглядов, ведущую к изменению мировоззрения и самопонимания. Основная тема данного исследования – история становления идеи обучения. Цель – рассмотреть, как идея педагогической трансформации возникает в Античности, а затем переосмысливается в христианстве, на основе которого формируются средневековые представления о педагогике. Результатом исследования стала картина эволюции и развития идеи о воспитании как трансформации, качественной перемены личности ученика. Она прослеживается на переходе от метафоры «переворот» к понятию «обращение». Совершенный еще в античной мысли, этот переход вошел в раннехристианскую картину мира в качестве основополагающего тезиса. Педагогический процесс как образование становится связанным в первую очередь не с метафорой отпечатка, отпечатка учителя в ученике, а с метафорой переворота, отклика на слова Бога-Учителя, переданные через учителя земного. Данный переход смыслов, прослеженный на основе рассмотрения текстов Ветхого и Нового Завета, сочинений Эпиктета, Кебета, Арнобия, Григория Нисского, Никиты Стифата, Франциска Ассизского, Фомы Челанского, Антония Падуанского, выявляет и реконструирует важную страницу исторического развития педагогического сознания средиземноморской и западноевропейской цивилизаций.

Ключевые слова: обучение, Античность, раннее христианство, Средневековье, учитель, ученик

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-448-452>

В античном мире обращение как моральная трансформация, скорее, было темой философии, а не религии. Основным средством в моральной трансформации была протрепетическая, увещательно-убеждающая речь философа-учителя жизни. Согласно Эпиктету цель речей философа – изменение жизни слушателем, который не просто благодарит философа за стиль, а говорит, что, поскольку тот сильно затронул его сознание, слушатель не может более поступать так, как привык ранее (Беседы 3.23.37). Сила сказанного слова подчеркнута и в 1 Фес 1:5,6,8.

Одна из наиболее популярных версий обращения с помощью философии – «Таблицы Кебета», разработанные в I в. н.э. [1]. В них выведены образы людей, идущих по дороге жизни, некоторые из них достигают в конце ее счастья (eudaimonia) с помощью обращения (metanoia, metameleia). В «Таблицах» содержатся сведения о трех идеях, сопутствующих моральному обра-

щению. Они были вполне понятны и античным школам философии, и ранним христианам: 1. Хорошим быть трудно, жизнь в добродетели есть состязание, борьба, схватка, конное ристалище. 2. Есть только один выбор – между легкой жизнью в пороке и трудной жизнью в добродетели. 3. Непременность правильного выбора есть правильный вид образования (*paideia*) [2, р. 101–102]. Чтобы достичь «истинного воспитания», требуется согласно Кебету не школа, а «раскаяние» («обращение») и помощь аскетических «сестер»: Саморегуляции (*Enkrateia*) и Настойчивости (*Karteria*) (16.2). Обращение как уход от искаженных ценностей доминирующей культуры – тема, известная античным киникам. Киническое обращение было отвержением конвенциональности жизни, свобода от моральных условностей которой достигалась аскетической практикой. Это было обращение, по-видимому, в радикальный индивидуализм, в *autarkeia* (суровую самодостаточность). Стоики, подобные Эпиктету, также говорили, что для превращения в философа следует отвергнуть «обычай простецов» и даже уйти из своей страны (Беседы 3.16.11,16). Ценой такого поступка становились изолированность и отрыв от традиции, которые восполнялись временным общением между собой учеников философской школы.

В христианской идеологии утверждается принцип следования Иисусу как воспитание через обновление. Это обновление есть в конечном итоге возвращение к безгрешному Адаму. Содержание новозаветной традиции так же ново, как нов Учитель, как новы Его ученики. Новозаветная идея утверждала: Учитель умер за ветхих людей, чтобы духовно обновить их. Новизна христовых учеников есть стремление к очищению человеческой природы от грехов и неверных приоритетов.

Преображение не предполагает обязательно обучения и воспитания, хотя не отвергает их и даже рекомендует. «Панпедагогизм» христианской идеи изменения обусловил возвращение педагогического через образ «нового учителя», который синтезировал функции дидаскала и педагога, пророка и жреца, мудреца и писца-книжника, ритора и советника, наперсника и адвоката, авторитета и помощника. Он делал «новыми» тех, кого он призывал в ученики. Обновление стало результатом трансформации ученика.

Ученик, «сораспявшись», возрождает внутри себя живого Христа (Гал 2:20), обновляясь его светом как своим будущим (*Arnob. Adv. Her. I, 34*). Стержнем жизни провозглашалась вера в пришествие Сына Божия, а не в традицию. Педагогика, воспроизводящая старое, превращалась в педагогику проектирующую, занимающуюся

невиданным ранее преобразованием человека, устремленного в будущее, ориентированного на спасение своей души, обновляющего свою душу для вечности.

Христианская парадигма педагогического процесса продолжала развиваться. Ее поддерживали Священное Писание и комментарии авторитетов. По мысли Григория Нисского (ок. 335 – после 394 г.), обучающийся христианству должен был пройти через стадию нового человека на пути к совершенному. Так проинтерпретирован у него отрывок из Послания Павла жителям Колосс: «Павел, желающим слушать совету достигать совершенства, предлагает и способ, как улучшить искомое, говоря, что должно совлечься *ветхаго человека и облещися в новаго, обновляемого по образу Создавшего* (Кол 3:9-10)» [3, с. 110].

Воплощая основную идею монашеской педагогики, византийский автор XI в. Никита Стифат связал обновление человека с уходом от мира. В дилемме, идти ли новому человеку в мир, совершенствуя и «убеждая» его, или становиться новым через отвержение, «убегание» от мира и его несовершенств, он выбрал второй вариант: «Решивший приникнуть к писаниям мужей богословов и влекомый на это любовью к чтению, прежде всего, соблюдая верность, должен убежать от мира и того, что в мире, всецело, телом и духом, и от души возненавидеть грех, стремящийся к вещественному, и отрясти с себя сиюминутное наслаждение удовольствиями, и, следовательно, положить доброе основание на крепком камне веры, благодаря деланию и исполнению заповедей Христовых, и благоискусно воздвигнуть на нем дом добродетелей, и совлечься ветхого, истлевающего в своих похотениях человека, и облечься в обновляемого Христа, конечно, достигшего безупречности и через достойно воспринятое совершенство восшедшего *в мужа совершенного...* (Еф 4:13)» [4, с. 159–160]. Совершенный человек воспитывается в раннем христианстве на педагогической идеологии обновления ученика в процессе его обучения. Первым примером такого процесса стал Иисус, найдя, выбрав и пройдя в земном облике по Стифату некий путь к безупречному совершенству.

Сотворение «нового ученика» было сверхцелью и наставлений учителя, и (само)образования. Учителем в таком случае могли считать любого человека, назидającego и проповедывающего. У него с его слов и поведения перенимали веру и истину, видя такого наставника подобным евангелистам. Вполне логично поэтому, например, св. Франциск Ассизский в «Первом житии св. Франциска» ученика его Фомы Челанского (1190–1260) назван «новым евангелистом/новым

благовестником/апостолом (*novus evangelista*)» [5, §89]. Будучи сначала «подобен нам» и «от ранней юности» не быв «наставлен в пути Божиим и в Его познании», Франциск «природной простотой и юношеским греховным пылом» был «сильно сбиваем с пути истинного». «Изменение над ним десницы Всевышнего» привело к тому, излагает Фома, что Франциск «освободился от греха, по милости и силе Всевышнего, и исполнился духа премудрости превыше своих современников». «Словом и примером» обращает Франциск людей от безумия мирской мудрости к премудрости Божией. Герой жития становится новым свидетелем-провозвестником, и Фома Челанский поет гимн его назиданию, обновляющему всю вселенную: «89.4. И вот в последнее (букв.: «новейшее») время новый Апостол, словно река, вытекающая из Эдема, растекаясь по всей земле и орошающая землю влагой евангельской, подвигами своими проповедовал миру путь Сына Божия и учение истины. В нем и через него возбуждено было по всей земле новое веселие с надеждой, началось святое обновление, обновилось внезапно семя обветшавшей веры, и многое, давно уже казавшееся устарелым, обновилось». Не всем, однако, доступна обновляющая трансформация; усилия даже такого наставника не изображены дающими стопроцентный результат: «89.6. Дух новый был вложен в сердца избранные и распространился в самом средоточии этих сердец спасительным бальзамом, ибо раб Христов, словно новое светило на тверди небесной, просиял свыше и новой святостью, и новым светом». Обновление есть труд, вкладываемый в воспитание (=обновление) души и учителем, и учеником. Учитель изображен Фомой плодоносящим деревом, от которого получает благоуханную пищу истинного верования братская паства учеников, последователей и единомышленников: «89.7. Обновились в нем легендарные чудеса, и в пустыне мира сего, по новому порядку, но не по старому обычаю, насаждена была маслина зеленеющая, приносящая плод, благоухающий святыми добродетелями, и простирающая во все стороны ветви святого братства» [6, с. 274–275].

Братство учеников св. Франциска, члены его монашеского ордена продолжали обсуждать обновление обучающегося во Христе «сына Божия», ибо все люди – «Его дети». Св. Антоний Падуанский (1195–1231) видел идею обновления Божьим промыслом содержащейся даже в названиях вроде бы вполне обычных, повседневных предметов. И в то же время совсем не таких обычных, как кажется... «Нож/бритва, прозванный так потому, что как бы новым делает [лицо] человека» (*Novacula dicta, quod quasi novum faciat hominem*)

[ср.: *Isid. Etym.* XX, 13.4: *Novacula eo quod innovet faciem*], есть исповедь, обновляющая дух человека (*est confessio, quae novat hominis spiritum*). Поэтому говорит Иеремия: Обновляйте пашню/новью (*Novate novale*)...», – читаем в антониевой Проповеди на первое воскресенье Адвента [7, с. 60–63]. Воспитание человека «острием искренней исповеди» представлено обрезанием пороков и соблазнов как волос с головы и бороды человека. Церковная педагогика «бритвой исповеди» почти в буквальном смысле счищает ветхого человека и являет воспитанника обновленным для «Того, Кто нас сотворил». Заблуждения, грехи людей – это старое (*vetus error*), «ночь и заблуждение греха означает слепоту; день и мир – просвещение благодати», преображение человека (*Dominica I de Adventu*, II, 12). Адам был ветхим до появления Христа. Иисус – «новый Адам (*novus Adam*)». Этот новый Адам, Иисус, как «молоденький/новый теленок (*vitulus novellas*)», от рождения, согласно Антонию «стесненный ярмом послушания, один потащил груз всех наших грехов». Невидимый, одинокий отрок (*iuvenculus*), он «тащит груз, непосильный ангелам и людям» (*Dominica XI post Pentecosten*, I, 9).

«Новый Адам был завернут в пелены, в сиянии которых предстала нам чистота Его Матери, крещальная невинность, слава всеобщего воскресения» (*In Nativitate Domini*, II, 7) [7, с. 109, 204–205]. Каждый человек может прикоснуться к «новому младенчеству», поскольку сокрушение в грехах и исповедь по св. Антонию преобразуют человека во «младенца (*puer*), то есть нового обращенного (*idest noviter conversum*)» (*Idem.*, V, 15). Младенческое состояние для Антония в отличие от Августина – образец чистоты, невинности, новизны. Поэтому обновление, духовное, церковное воспитание мыслится Антонием как восстановление младенчества в человеке. Не избывание детской поры, «всего детского» (как в агиографической модели житий святых), но новое вхождение в младенческую пору раннего детства сделано моделью для наставления паствы: «*Младенец родился нам*: толкование нравоучительное. Об этом Младенце говорится у Матфея: ‘Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное’ (Мф 13: 38). Обрати внимание: младенец, когда не спит в колыбели, громко плачет; будучи нагим, не стыдится; если испуган, торопится вернуться к материнской груди; мать, когда хочет удалить его от груди, мажет соски горечью; не возобновляет коварства векового; не умеет грешить; не делает ближнему зла; не держит гнева; не ненавидит никого; не ищет богатства; не удивляется благам этого мира; не принимает притворного вида. Младенец – это кающийся»

обращенный, который когда-то был исполнен гордыни сердца, надменен в самодовольстве слов, величав в роскоши вещей; но недавно стал младенцем, ничтожным и презираемым в глазах своих (*sed modo parvulus, humilis et despectus in oculis suis*), который когда не спит, т.е. снова в мыслях обращается к своей прежней жизни, то горько плачет; нагим и нищим ради Христа быть не стыдится или себя на исповеди обнажать не стыдится; терпя обиду, не обижается, но торопится вернуться к Церкви и читает молитвы за преследуемых и оклеветанных. Матерь Церковь отняла его от молока, когда грудь плотского сластолюбия, которую он часто сосал, намазала ему горьким покаянием. ... Итак, когда кто-нибудь из живущих в миру обращается и становится младенцем Христовым, должны мы... с ликованием сердца, в гласе веселья сказать: *Младенец родился нам*. Потому у Иоанна говорится: *Женщина*, т.е. святая Церковь, *когда рождает*, в проповеди или в сострадании к грешникам, *терпит скорбь* [...]; *но когда родит*, в сокрушении и исповеди грешника, младенца, т.е. нового обращенного, *уже не помнит скорби от радости...*» (In Nativitate Domini, V, 15) [7, с. 117–119]. Рождение христианина как «чада Божия» представлялось св. Антонием его аудитории решающим судьбу обновлением, вносимым в мир божественной педагогией с помощью церкви и ее учителей. Покаяние – один из важнейших путей к «новой жизни», это в принципе уже сама «новая жизнь» (*status novae vitae*)» (In Epiphania Domini, I, 3).

Обновление человека как результат божественной педагогики рассматривалось Антонием как возрождение его прежде бывшего состояния, возвращение к свободному от грехов младенчеству, возвращение «чада» к образу Божию в человеке: «Бесчисленными казнями пороков и грехов род человеческий угнетен был, но, когда пришел Искупитель, возвращается к дням отрочества своего, а именно обновляется в целостности прежней жизни, чтобы не пребывал в том, в чем свершил грех, но искупленным вернулся к тому, для обладания чем и был сотворен» [7, с. 234–235]. Опираясь на версию перевода Книги Иова в Вульгате, текст «И то, что малым было в начале твоём, впоследствии умножится у тебя весьма», Антоний интерпретирует в близкой ему парадигме «прежнего – нового»: «немногочисленным станет прежнее твоё, а новое твоё умножится чрезвычайно» [7, с. 250–253]. Воспитание христианина предстает как «умножение нового», возвращение состояния, имевшего быть в Эдеме. С приходом Христа и христианства мир родился заново, и с воспитанием истинного, глубоко веру-

ющего и искренне кающегося в своем прежнем, греховном состоянии, он рождается вновь. Истинный смысл цикла новых рождений известен лишь Богу: «Появление зари есть новое рождение воскресения (*nova nativitas resurrectionis*), которым святые восходят во плоти к лицемерию вечного света. Но, сколько бы ни сияли здесь избранные, не могут они проникнуть в то, какова будет слава нового рождения (*Gloria novae nativitatis*)» (Dominica XIII post Pentecosten, III, 22) [7, с. 274–277]. «В Рождество Своего Сына» Бог «сотворил некий новый мир, все обновляющий (*in sui Filii Nativitate fecit quondam mundum novum, omnia innovantem*)» (In Annuntiatione Beatae Mariae Virginis, III, 15) [7, с. 328–329]. Старое, ветхое, прежнее – отрицательные характеристики для Антония. В эти категории попадает все – от греха делом до греха словом, дерзкой похвальбы. Опять подспорьем служит латинская версия Ветхого Завета, подчеркивающая разницу старого и нового. В первой книге Царств (1 Самуила) Вульгата интерпретирует слова «да не выйдет похвальба из уст ваших» как «да удалится старое от уст ваших (*recedant vetero de ora vestro*)» (1 Цар 2:3). Антоний как знаток Св. Писания, проповедник и учитель, не проходит мимо этого места (In Annuntiatione Beatae Mariae Virginis, I, 4). Средневековая монашеская педагогика, да и средневековая педагогика вообще получают с именем Св. Антония Падуанского обоснование тезиса об обновлении как одной из главных целей христианского воспитания.

С наступлением Нового времени христианская воцерковленность все меньше внимания обращает на концепт «новизны» как принцип безгрешного отношения человека с миром. Однако понятие «обновление ученика» в педагогическом сознании сохраняется – теперь уже вне обязательного религиозного контекста, его породившего.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2019 годы (№ 27.8089.2017/БЧ).

Список литературы

1. Fitzgerald J. T., White L. M. The Tabula of Cebes. Chico, California : Scholars Press, 1983. 225 p.
2. Bonner S. F. Education in Ancient Rome from the Elder Cato to the Younger Pliny. Berkeley, 1977. 404 p.
3. Нусский Г. Об устройении человека / пер. В. М. Лурье. СПб. : Axioma, 1995. 176 с.
4. Сטיפат Н. [Вступление] к книге Божественных

- гимнов преподобного отца нашего Симеона / пер. иером. Дионисия (Шленова) // Богословский вестник Моск. дух. акад. и Моск. дух. семина. 2005–2006. № 5–6. С. 151–176.
5. *Tommaso da Celano. Vita prima di S. Francesco d'Assisi. Romae, 1880. 110 p.*
6. Истоки францисканства / под ред. А. Вичини, Я. Ан. Кайшядорис. Милан, 1996. 1062 с.
7. *Св. Антоний Падуанский. Проповеди / под ред. В. Л. Задворного. М.: Изд-во Францисканцев – Братств Меньших Конвентуальных, 1997. 401 с.*

Образец для цитирования:

Безрогов В. Г., Пичугина В. К. Обучение как обращение в античной и христианской традициях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 448–452. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-448-452>

Learning as Conversion in Classic and Christian Traditions

V. G. Bezrogov, V. K. Pichugina

Vitaliy G. Bezrogov, <https://orcid.org/0000-0001-6389-478>, History of Education Dept., Institute for Strategy and Theory of Education, 5/16 Makarenko St., Moscow 105062, Russia

Victoriya K. Pichugina, <https://orcid.org/0000-0002-1195-725X>, History of Education Dept., Institute for Strategy and Theory of Education, 5/16 Makarenko St., Moscow 105062, Russia

The article considers the option of training as an appeal to a new system of views, leading to a change in worldview and self-understanding. The idea of such a pedagogical transformation arises in antiquity, and then in its own way is rethought in Christianity, on the basis of which medieval ideas about pedagogy are formed. The development of the idea of education as a transformation, a qualitative change in the personality of the student is traced in the transition from the metaphor of “re-volution” to the concept of “conversion”. Perfect even in ancient thought, this transition entered the early Christian picture of the world as a fundamental thesis. The pedagogical process as education becomes connected first of all not with the metaphor of the imprint, the imprint of the teacher in the student, but with the metaphor of the revolution, the response to the words of God the Teacher, transmitted through the earthly teacher. This transition of meaning is traced while considering the texts of the Old and New Testament, the writings of Epictetus, Cebes, Arnobius, Gregory of Nyssa, Niketas Stethatos, Francis of Assisi, Tommaso da Celano, Anthony of Padua.

Keywords: learning, Classics, Early Christianity, Medieval Ages, teacher, pupil.

Acknowledgments: This study was fulfilled according to the state contract 27.8089.2017 of the Institute for Strategy and Theory of Education of the Russian Academy of Education.

References

1. Fitzgerald J. T., White L. M. *The Tabula of Cebes*. Chico, California, Scholars Press, 1983. 225 p.
2. Bonner S. F. *Education in Ancient Rome from the Elder Cato to the Younger Pliny*. Berkeley, 1977. 404 p.
3. Nisskij G. *Ob ustroenii cheloveka* [On the Human Constitution]. Trans. V. M. Lur'e. St. Petersburg, Axioma, 1995. 176 p. (in Russian).
4. Stifat N. The Book of Divine Hymns compiled by Simeon Venerable, [Introduction]. Trans. ierom. Dionisiya (Shlenova). *Bogoslovskij vestnik MDA i MDS* [Theological Bulletin(en) MDA and MDS, 2005–2006, vol. 5–6, pp. 151–176 (in Russian).
5. Tommaso da Celano. *Vita prima di S. Francesco d'Assisi. Romae, 1880. 110 p.*
6. *Istoki frantziskanstva* [The origins of the Franciscanism]. Ed. by A. Vichini, Ya. An. Cajsadoris. Milano, 1996. 1062 p.
7. St. Antoniy Paduanskiy. *Propovedi* [Sermons]. Ed. by V. Zadvornuy. Moscow, Izd-vo Frantsiskantsev – Bratev Menshikh Konventualnykh, 1997. 401 p. (in Russian).

Cite this article as:

Bezrogov V. G., Pichugina V. K. Learning as Conversion in Classic and Christian Traditions. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 448–452. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-448-452>
